

ПЕТРОПАВЛОВСК В КОНЦЕ XIX ВЕКА

Петропавловск-Камчатский основан в 1740 г. Второй Камчатской экспедицией, он один из первых городов на Дальнем Востоке. За годы своего существования он не однажды расцветал и угасал, подвергался агрессии и забвению, строился, испытывал на себе дыхание подземной стихии.

История изучения Арктики связана со многими трагическими событиями. Вслед за русскими поморами и казаками попытки проникнуть на Север предпринимали норвежцы, англичане. В конце XIX в. свою лепту в изучение Севера попытались внести и американцы. Для этих целей было снаряжено судно «Жаннета».

«Жаннета» – парусно-моторная шхуна, до 1877 г. носила английский флаг и на борту имела свое первое название – «Пандора».

Она была построена для исследовательских работ в Северном Ледовитом океане на средства Д. Беннета, владельца газеты «Нью-Йорк Геральд». Основными целями плавания были достижение Северного полюса и поиски шведско-норвежской экспедиции Н. А. Норденшельда на «Веге» и оказание ей помощи.

8 июля 1879 г. «Жаннета» вышла из Сан-Франциско. На борту находились 33 человека. Но больше никому в Америке не суждено было увидеть «Жаннету». К северо-востоку от о. Геральд «Жаннета» вмерзла во льды, после чего начался дрейф, который продолжался 22 месяца. 13 июня 1881 г. «Жаннета» затонула, затертая льдами. Экипаж высадился на лед и направился к устью р. Лены. В сентябре только 13 человек смогли достичь материка.

Для поиска участников плавания была предпринята российско-американская экспедиция, в состав которой входил и корреспондент «Нью-Йорк Геральд» Уильям Гильдер. Американцы побывали в Петропавловске, где Гильдер оставил любопытное описание города. Интересен взгляд со стороны на жителей города, их обычаи и быт.

В начале 80-х гг. XIX в. Петропавловск представлял собой небольшое поселение с двумя церквями, торговой лавкой, маленькой школой. В 1876 г. здесь проживал всего 421 человек. После нападения англо-французской эскадры на Петропавловск в августе 1854 г., освоения русскими Приамурского края, поражения России в Крымской войне правительство приняло решение об упразднении Камчатской области. Камчатка становится округом Приморской области. Жизнь в городе замирает. Он превращается в захолустный городишко на далекой окраине Российской империи. События здесь протекают спокойно и однообразно, изредка ритм нарушается посещением очередной экспедицией.

Петропавловск

«Когда в августе 1854 г. союзная англо-французская эскадра, состоявшая из шести фрегатов, появилась перед городом и высадила отряд, то город оказался укрепленным и защищаемым горстью отважных русских солдат и казаков,

которым при помощи топографических преимуществ, а также грубых ошибок противника удалось нанести чувствительное поражение союзникам, потерявшим почти всех офицеров и около 120 рядовых. У подножия возвышенности, недалеко от плотины, у которой происходило сражение, расположено небольшое в 20 кв. футов кладбище, где нашли вечное упокоение павшие с обеих сторон бойцы. Над обоими большими курганами высятся деревянные, покрытые русскими надписями, кресты: приличная, окрашенная в белую краску, ограда окружает кладбище, которое будучи расположено у подошвы высокого и крутого холма и упираясь одною своею стороною в обросшие травой забвения развалины старинного форта, а другой – в пороховой магазин, представляет очень живописное зрелище.

Город расположен в долине, между высоких холмов, обросших с подветренной стороны красивым лесом. Дома очень малы и срублены по большей части из плохо обструганных бревен; беднейшие из них покрыты соломой. Многие правительственные здания также точно, как и товарные склады русского пушного Общества и жилища почтеннейших граждан, выстроены из досок, привезенных издалека и прекрасно выкрашены. Из числа улиц существует только одна, которая достойна носить это название, да и та имеет всего лишь футов 30 в ширину. Дома, видимо, выстроены без всякого внимания на направление этой так называемой улицы и возвышаются именно там, где понадобилось и заблагорассудилось их владельцу.

В Петропавловске две церкви: старая и новая. Первая – полуразвалившийся, но все еще живописный блокгауз, с множеством углов и выступов, с зеленым, странно устроенным куполом, напоминает несколько восточную архитектуру. Новая церковь выстроена из досок, выкрашена в белую краску и обладает широкой лестницей, ведущей к главному входу; она возвышается посреди миниатюрного парка, через который пробегает веселенький маленький ручеек. Берега последнего усеяны могильными камнями, среди которых мрачная и одинокая поднимается железная колонна, поставленная в честь и память русского мореплавателя Витуса Беринга, могила которого находится в 250 английских милях отсюда на том острове, где он в 1741 году потерпел кораблекрушение и нашел преждевременную смерть. На том же кладбище по другую сторону церкви находится памятник из черного мрамора, русская надпись которого гласит, что он воздвигнут в память офицера и экипажа небольшого русского купеческого судна, погибшего со всем, что на нем было, у одного из Курильских островов. Памятник доставлен сюда из России с целью перевезти его на место кораблекрушения и водрузить там, но так как там никто, вероятно, никогда бы его не увидел, то сочли за лучшее поставить его в таком часто посещаемом центральном пункте общественной жизни, каково кладбище Петропавловска, города с 400 жителями и одною почтою в год.

Служба отправляется в новой церкви только летом, тогда как небольшая и легче отапливаемая старая церковь дает убежище тем, которые ощущают потребность в утешениях веры и в долгое зимнее время, когда старинное здание исчезает почти совершенно под снегом и когда войти в него возможно лишь по длинному проходу, прокопанному в снегу. Богослужение совершается священником и двумя причетниками, которых часто можно встретить на улице с их длинными, спускающимися до пят одеждами; высокая черная шляпа покрывает их длинные волосы, а волнистая борода украшает их лица. У священника надета на

шее длинная золотая цепь, к которой привешен большой золотой наперсный крест – подарок покойного императора.

В городе существует одна только лавка, но, так как у жителей (за исключением военных, духовенства и иноземных купцов) денег не водится, то и этой лавки совершенно достаточно.

В качестве замечательной особенности этого маленького городка следует упомянуть о том обстоятельстве, что 400–500 жителей могут вести очень спокойную жизнь, несмотря на то, что здесь нет ни адвокатов, ни окружных судов. Старый, давно уже живущий здесь купец, но знакомый и с жизнью в цивилизованных странах, рассказывал мне, что в последние восемнадцать лет во всем крае не случилось ни одного преступления, в разбирательство которого пришлось бы вступить высшей администрации. Кроме нескольких казаков, которые отличаются от людей красной выпушкой на шапках, никакой полиции не существует. При высадке, на берег, где несколько гнилых досок проложены с берега на потопленную барку, служащую вместо пристани, я заметил нечто вроде ящика вышиной в рост человека, пригороженного к какому-то сараю. Ящик был заперт и украшен императорским российским гербом. Я не мог понять его назначения, но через два или три дня, возвращаясь вечером из гостей, я был поражен низким басом, который как мне показалось, в темноте, исходил из недр земли, но на самом деле, как я узнал, скоро ради своего успокоения, исходил из густой, растрепанной бороды казака, который стоял в ящике, или как его называли в будке, и защищал таким образом город от неожиданного нападения иноземных флотов.

В пятницу вечером лейтенант Берри и я присутствовали на большом приеме и балу в доме капитана Люгебея. Капитан русский родом, но сделался гражданином Соединенных Штатов вследствие уступки Аляски; он долгое время служил в Аляскинском Обществе, да и сюда приехал с целью быть представителем интересов этого Общества. Так как после его американизации ему пришлось в голову, что он не может быть хорошим гражданином, не придерживаясь какой-нибудь политической партии, но он пристал к демократам, и скорбит теперь, в сообществе с капитаном Хентером, бывшим жителем Балтимора, о поражении, которое потерпел генерал Ханнок на последних выборах. Капитан Хентер целых 23 года уже не был на своей Родине; он бегло говорит по-русски, женат на русской и имеет целую толпу прелестных детей, из которых никто не говорит по-английски.

Русские, бесспорно, самые любезные люди, только лишь, бывало, поднимешь глаза, чтобы осмотреться в комнате, как приходится поневоле со всеми чокаться, а при входе и выходе принято пожимать друг другу руки, хотя бы люди виделись десять раз в день.

Мелкий, частый дождь, встретивший нас при прибытии в Петропавловск, продолжался в течение двух первых дней нашего пребывания в этом городе, но уверяют, что погода здесь далеко не всегда бывает такая дождливая. Оба последних дня нашего пребывания были бы превосходными, если бы не изнуряющая жара и масса москитов.

К великому нашему удовольствию, мы могли восхищаться во всей их могучей прелести вулканами, окружающими бухту в промежутке между холмов, к северу от города виднелись снежные вершины вулканов Корякского, Авачинского и Козельского, из которых первый возвышается до 11–12 тысяч футов, второй, почти

постоянно находящийся в деятельности до 9 000 футов, тогда как третий достигает лишь высоты 5 300 футов. Милях в 30-ти от города поднимается над гладью моря сопка Вилюченская; она не только представляет собою наиболее интересную часть ландшафта, но и считается превосходным барометром, так что чрезвычайно тщательно наблюдается жителями Петропавловска; когда все ее мельчайшие подробности вырисовываются ясно на небе, то это предвещает на следующий день хорошую погоду, тогда как появление облаков, закрывающих одну лишь вершину или всю гору целиком, предвещает приближение бурной или туманной погоды. Ни одна из этих окрестных вершин не освобождается никогда от снега, тогда как долины между ними так хорошо защищены, что их плодородная почва с успехом могла бы быть обрабатываема, но к сожалению, местные жители вовсе не обладают склонностью к занятиям земледелием; они вполне зависят от рыбы, которая находится у них в изобилии в бухте. Во время лова можно во всякое время дня и в каком угодно месте закинуть сеть и быть уверенным, что вытащишь ее полную лососей, трески, корюшки, окуней и сельдей.

Во время нашего пребывания в Петропавловске по всему берегу гавани и бухты виднелись в живописном беспорядке разбросанные навесы для сушки рыбы, покрытые соломенными крышами, а вокруг них толпились мужчины, женщины и дети, занятые соленьем и развешиванием рыбы.

В соседних горах зачастую попадают медведи; зимой они появляются даже в городе и нападают на улицах на коров. Зимняя шкура медведя представляет превосходный мех светло-бурого цвета и употребляется по большей части для покрышек, не имея высокой цены в торговле.

24 июля в 5 часов пополудни мы снялись с якоря и на парах вышли из бухты при развевающихся на всех судах в знак прощания флагах. Вилюченская сопка, которая ясно вырезалась на горизонте, обещала нам хорошую погоду».

(Печатается по изд.: Гальдер У. Во льдах и снегах. СПб., 1885)